

A.K. Lapteva, A.S. Luchnikov
PROFESSOR SERGEY NIKOLAEVICH LAPTEV AS THE ORGANIZER
OF PROFESSIONAL GEOGRAPHICAL EDUCATION IN PERM UNIVERSITY

Then more time is passing, then less obvious become actual events and fates of people, in particular those who did not leave either diaries or reminiscences. The authors of the article managed to disclose main stages of the life and professional activity of professor Sergei Nikolaevich Laptev (1887-1993) in Kazan, Irkutsk and Perm Universities, to reveal his contribution to the development of geography science and education, as well as to correct some biographical inaccuracies in earlier publication about his life.

Key words: geographical education, Department of Geography, Perm University

AnnaK. Lapteva, Institute of Ecology and Genetics of Microorganisms, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 614081, Perm, Goleva st., 13;

Andrey S. Luchnikov, senior lecturer, Department of Social and Economic Geography, Perm State University, 15 Bukireva st., Perm, Russia 614990; aluchnikov@yandex.ru

УДК 91(092):378

А.С. Лучников

СУДЬБА ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА ЛАМАНСКОГО,
ПЕРВОГО ПРОФЕССОРА ГЕОГРАФИИ В ПРИКАМЬЕ,
В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕЛОМНОЙ ЭПОХИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

На основании библиографического анализа и изучения воспоминаний современников раскрываются основные события жизни и.о. ординарного профессора Пермского университета, географа и геолога Владимира Владимировича Ламанского (1874–1943), сына известного историка и этнографа В.И. Ламанского. Показано влияние характера человека и исторической эпохи на становление ученого и его судьбу до приезда в Пермь, во время пребывания в Пермском университете и после эмиграции из России в Китай.

Ключевые слова: семья Ламанских, российская интеллигенция, революционные события начала XX в., русские эмигранты в Китае.

Одной из самых малоизученных страниц истории географического образования в Прикамье является тема появления географии как учебной дисциплины в высших учебных заведениях Урала. В большинстве современных источников мы можем найти дату – 1932 г. Именно в этот год в стенах Пермского педагогического института были организованы географическое отделение, а затем – самостоятельный факультет. Однако во время дополнительного поиска информации было установлено, что именно Пермскому университету принадлежит «пальма первенства» в этом вопросе.

В 1918 г. для обучения студентов-естественников на физико-математическом факультете предметам географического цикла решением Ученого совета университета [18, л.83] в штат принят магистр геологии и геогнозии *Владимир Владимирович Ламанский* (1874–1943). Выпускник Санкт-Петербургского университета, он занял вакантную должность и.о. ординарного профессора географии и этнографии, а также занялся обустройством кабинета географии в стенах Университета.

© Лучников А.С., 2015

Лучников Андрей Сергеевич – магистр географии, старший преподаватель кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: aluchnikov@yandex.ru

Автор благодарит за предоставление уникальных печатных материалов и фотографий Кирилла Владиславовича Чашина, составителя генеалогического индекса «Русские в Китае (1926 – 1946)» (г. Санкт-Петербург).

Будущий ученый и педагог родился 14(28) июля 1874 г. в Санкт-Петербурге в очень известной семье ученых и государственных деятелей. Основатель фамилии *Иван Иванович Ламанский* (1794–1879) в юности, по примеру М.В. Ломоносова, пришел пешком из родного города Белозерска в Санкт-Петербург для того, чтобы получить образование. Целеустремленность и врожденный ум позволили ему успешно окончить университетский курс и получить прекрасную работу: в течение всей своей долгой жизни он проработал в Министерстве финансов, где дослужился до директора Особой канцелярии по кредитной части и тайнам, а под конец жизни даже входил в состав Государственного сената и получил потомственное дворянство. Все его сыновья получили прекрасное образование и стали известными людьми: *Яков Иванович* (1822–1872) был горным инженером и директором Санкт-Петербургского технологического института; *Евгений Иванович* (1826–1902) много лет возглавлял Государственный банк России и другие финансовые организации. Также он числился членом-корреспондентом Петербургской АН по разряду истории-политических наук за исследования по истории денежного обращения и кредитных учреждений в России; *Сергей Иванович* (1841–1900) был известным ученым-физиком, состоял научным сотрудником Главной физической обсерватории, а также инспектором палаты мер и весов, которую возглавлял Д.И. Менделеев.

Современники отмечали нравственную сторону братьев, интеллигентность и свободолюбивость взглядов всей семьи: «Отличительной чертой почти всех Ламанских был высококультурный, просвещенный либерализм, стойкость, неподкупная честность убеждений и врожденная независимость мнений, не шедшая ни на какие уступки, а также склонность к публицистике и к остроумной, едкой и тонкой критике, иногда непринужденно веселой» [6, т.1, с. 666]. Надо отметить, что эти качества культивировал сам Иван Иванович: он стремился привить всем своим сыновьям критическое отношение к действительности, прогрессивность суждений, а поэтому в их доме постоянно происходили дискуссии о политико-экономическом развитии страны и Европы, а в домашнюю библиотеку приобреталась «вся почти тогдашняя самая строго запрещенная литература, в том числе и сочинения П.-Ж. Прудона» [5, с. 157].

Рис. 1. Семья Ламанских: а- дядя Евгений Иванович Ламанский; б – родители Александра Ивановна и Владимир Иванович Ламанские; в – В.И. Ламанский в 1913 г.

Отдельно отметим родителей Владимира Владимировича – **Владимира Ивановича** и **Александру Ивановну Ламанских**. Профессор Санкт-Петербургского университета В.И. Ламанский (1833–1914) был всемирно известным специалистом по истории России, бросившим вызов западноевропейским ученым в области славяноведения и изучения роли славян в мировой истории. Он поддерживал идеи панславизма, но в то же время никогда не выделял интересы славянских народов России выше интересов иных этносов¹. Сегодня профессора В.И. Ламанского называют одним из основателей «геополитики панславизма». Действительно, в конце своей жизни из культурологической области его научная концепция все более становилась философско-социологической и политизированной.

¹ Так, в 1910 г. В.И. Ламанский добился отмены правительственного запрета использовать в литовском языке латинский шрифт. Защищая права литовцев на традиционный для них латинский алфавит, ученый отметил, что «маленькая словесность» на литовском языке существует уже со второй половины XVI в., а в конце XIX в. она стала усиленно развиваться в Пруссии и особенно в США, где насчитывалось до 100 тыс. литовцев. Благодаря этому пробудилось «чувство народности» и у литовцев, проживавших на территории Российской империи, чему, считал Ламанский, нельзя не радоваться [5].

По роду своей деятельности он был знаком с огромным количеством людей, среди которых преобладали представители современной ему науки и высшего образования Российской империи. Одним из самых близких друзей Владимира Ивановича был другой всемирно известный ученый и государственный деятель, академик, вице-президент Императорского Русского географического общества (ИРГО) **Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский** (1827–1914). Именно он привлек Владимира Ивановича к работе в ИРГО: долгое время последний был секретарем этнографической комиссии общества, редактировал журнал «Живая старина», издававшийся на деньги ИРГО, и сам помещал там немало заметок и статей по русской и славянской этнографии. Позже дружеские узы двух ученых были подкреплены браком их детей: третий сын Петра Петровича, в будущем известный ученый-географ, профессор Ленинградского университета и основатель первого Географического музея в стране **Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский** (1870–1942) женился на дочери Владимира Ивановича и сестре Владимира Владимировича – **Вере Владимировне** (1877–1940).

Супруга Владимира Ивановича – **Александра Ивановна** (1846–1898), по воспоминаниям друзей, «...была женщина очень добрая, живая и приветливая» [6, т.1, с. 200]. При этом в жизни ей пришлось испытать немало трудностей. В 24-летнем возрасте она была без любви отдана замуж за либавского купца Мартина Германа Штруппа. Их брак продлился недолго. Уже в 1870 г., ожидая ребенка, она уехала навестить родных и больше к мужу не вернулась. Вскоре начался бракоразводный процесс, продлившийся более 20 лет. Примерно к этому же времени относится знакомство Александры Ивановны и Владимира Ивановича. Вскоре они стали жить вместе, а в 1874 г. родился их первенец – Владимир. Однако обвенчаться они смогли только в 1896 г.

Рис. 2. Семья Семеновых-Тянь-Шанских:

а – Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский; б – Вера Владимировна Семенова-Тянь-Шанская (урожд. Ламанская); в – Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский

Семейное счастье супругов Ламанских длилось недолго. Огромной потерей для семьи и лично для В.И. Ламанского стала смерть 52-летней Александры Ивановны. Долгое время Владимир Иванович не мог прийти в себя и даже на время прекратил преподавательскую деятельность в университете. «Почти два года ничего не записывал. Много произошло со мной и с детьми моими за это время. Самое главное в моей и в нашей жизни – смерть Сашина 28 августа 1898 г. ...Все грехи свои человек искупает своими страданиями. ...Господи, упокой ее и прости ей все ее прегрешения. Ежедневно молюсь о ней. Да простит она мне все, что я ей сделал и делал неприятного», [5, с. 175] так записал В.И. Ламанский в своем дневнике в декабре 1899 г. В этих словах проявилась вся боль человека, потерявшего часть себя и своей жизни.

При жизни Александра Ивановна всю себя отдавала детям (в семье было два сына и две дочери), а затем и внукам. Они росли в дружеской, полной любви обстановке и никогда не испытывали каких-либо неудобств или лишений. В то же время они не стали неженками, а с самого детства приучались к домашнему труду, строгости в пище и быте, пунктуальности (за этим следил отец). Исключительно важным и для молодого человека, и для девушки Владимир Иванович считал получение образования, а поэтому все дети сначала обучались на дому, а затем в школах-гимназиях и столичных вузах. Важной частью домашнего образования была музыка (за это отвечала Александра Ивановна). Все

дети Ламанских умели играть на фортепьяно, разбирались в нотной грамоте и любили посещать музыкальные события.

В детстве Владимир Владимирович Ламанский был достаточно непоседливым ребенком. Эта черта сохранилась у него и во взрослой жизни. Все друзья и родственники отмечали его способность к запоминанию цифр, любовь к природе и стремление к знаниям. Интерес к географии проявился у Володи еще во время учебы в мужской гимназии. Он сохранился и во время учебы на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета в 1893–1896 гг., где он специализировался по геологическим наукам и состоял учеником у члена-корреспондента Петербургской АН, первого доктора минералогии и геологии в России, профессора *Александра Александровича Иностранцева* (1843–1919). И если областью особого интереса учителя была петрография, то Владимир Владимирович имел более масштабные увлечения, в т.ч. его интересовали историческая геология и палеогеография северо-запада Российской империи, вопросы рельефообразования, почвоведение и пр., что было достаточно близко к географическим изысканиям и расширяло его научную эрудицию.

Вместе со своим учителем и коллегами в студенческие годы и позже Владимир Владимирович совершил множество полевых выездов и экспедиций в разные части империи: побывал на Алтае, в Эстляндской, Петербургской, Тверской и Псковской губерниях, а также в районе Общего Сырта. Результатом одной из таких экспедиций на европейский северо-запад стало издание монографии «Исследования в области Балтийско-Ладожского глинта» (1901), в которой автор попытался определить причины образования природного уступа, сформированного осадочными породами и тянувшегося вдоль берега Балтийского моря.

После окончания университетского курса (1896 г.) он был оставлен на кафедре геологии для сдачи магистерских экзаменов и подготовки к профессорскому званию. Одновременно с этим с 1898 по 1906 г. он состоял хранителем (консерватором) геологического кабинета университета. В 1902 г. после сдачи магистерского экзамена В.В. Ламанский был рекомендован для поездки в Австро-Венгрию, где стажировался у ведущих профессоров: Альбрехта Пенка (по географии и геоморфологии), Юлиуса Ханна (по метеорологии и климатологии), Гартля (по геодезии и картографии). Магистерская диссертация ученого «Древнейшие слои силурийских отложений» (1905) стала продолжением его монографических исследований под названием «Успехи изучения кембрийских и силурийских отложений России» (1899) и была посвящена историко-геологическим изысканиям горных пород, которые складывали земную кору на территории современной автору Эстляндской и Петербургской губерний.

На рубеже XIX и XX вв. под влиянием сближения со своим старшим товарищем и зятем, географом Вениамином Петровичем Семеновым-Тян-Шанским, у Владимира Владимировича появляется значимый интерес к физической географии и землеведению. Так, в 1899 г. вместе с ним В.В. Ламанский составил для Всемирной выставки в Париже серию карт по географии и этнографии Сибири и Туркестана, удостоенной золотой медали. Примерно в это же время он назначается библиотекарем ИРГО и по совету председателя Статистического комитета Российской империи П.П. Семенова-Тян-Шанского принимает участие в выполнении большой статистико-описательной работы «Торговля и промышленность Европейской России по районам», инициированной Министерством торговли. В ней он пишет часть, посвященную югу Европейской части России [18, л. 87].

Осенью 1902 г. происходит важнейшее событие для становления ученого – он получил свою первую преподавательскую должность приват-доцента во вновь открывшемся Петербургском политехническом институте им. Петра Великого на кафедре географии. Здесь он работал вместе с *Владимиром Эдуардовичем Дэном* (1867–1933), первым профессором экономической географии в России, и в течение трех лет читал курс физической географии и общего землеведения.

В эти же годы он активно публиковался в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, редактируя статьи по геологии и геоморфологии, климату и физической географии России, журналах «Протоколы Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей» (издававшегося под ред. А.А. Иностранцева), «Известия Императорского Русского Географического Общества» (под ред. П.П. Семенова-Тян-Шанского), «Живая старина» (под ред. В.И. Ламанского), «Ежегодник по геологии и минералогии России». Другой важной составляющей его работы стали переводы на русский язык научных трудов по геологии немецких ученых. Так, в 1900 г. вместе с А.П. Нечаевым и под общей редакцией профессора А.А. Иностранцева он перевел на русский язык «Историю Земли» Мельхиора Неймара, сделав собственноручные обширные дополнения по геологии России.

Казалось бы, Владимиру Владимировичу обеспечено блестящее научное и педагогическое будущее. Однако неумный характер в корне изменил судьбу талантливого человека. В.П. Семенов-Тян-Шанский вспоминал: «...Все эти учебные и научные занятия его (В.В. Ламанского. – А.Л.)

тяготили, и он, со свойственной ему бурностью характера, стремился на какое-нибудь более живое дело, и в конце концов, уехал в Манчжурию, в Харбин, в качестве коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги, некоторое время работал в Шанхае и вообще сделался дальневосточным деятелем. Он в этом случае унаследовал типичные черты мужской линии Ламанских, которые проявлялись в разрушительной гиперкритике. Эти свойства понижали количественно продуктивность его собственных научных работ к искреннему сожалению его друзей, заставляя его едва ли не большую часть жизни как раз в ее лучшие годы разбрасываться, скитаться вдоль Евразийского материка между Петербургом и Шанхаем...» [6, т.1, с. 420–422].

Этот период в жизни В.В. Ламанского начинается в 1906 г., когда он, защитив магистерскую диссертацию, неожиданно бросив все дела, поступил на службу коммерческим агентом Китайской Восточной железной дороги, а затем предпринял ряд поездок по Монголии, Маньчжурии и Уссурийскому краю. Будучи коммерческим агентом, служил в основном по установлению тарифной политики с партнерами КВЖД [19, л. 2]. В 1909 г. он уже служил финансовым агентом при посольстве Российской империи в Китае (в Шанхае), представляя секретные отчеты по финансовой и политической обстановке в Южном Китае [19, л. 2]. По заданию посольства совершил поездку по Восточной Азии. Выбор Дальнего Востока в качестве нового места для работы, видимо, был не случаен. Еще в 1900 г. Владимир Владимирович, занимаясь переводом на русский язык работы Джона Макговена «Китайцы у себя дома: очерки семейной и общественной жизни», обозначил интерес к этой территории и людям, там проживающим.

В 1910 г. В.В. Ламанский вернулся в Петербург и был назначен начальником экспедиции для экономического обследования вопросов шлюзования рек Туры и Тобола при Министерстве путей сообщения империи (по заданию Государственной Думы). После успешного окончания этой работы в 1911–1916 гг. он состоял в Съезде представителей железных дорог по делам международных сообщений делопроизводителем и иностранным корреспондентом и одновременно – коммерческим ревизором Северо-Западной железной дороги (1912–1916 гг.), секретарем Особого совещания по перевозкам (1915–1916 гг.), помощником заведующего делами Особого совещания по продовольствию, чиновником особых поручений при Переселенческом управлении, созданного в годы Первой мировой войны. Зимой 1914/1915 года он организовал в Петрограде центральную камеру розыска багажа, утерянного в связи с началом военных действий [19, оборот л.2].

После череды иных работ и должностей в 1915 г. Владимир Владимирович вернулся на преподавательскую работу, став приват-доцентом кафедры минералогии и геологии Петербургского университета. В течение 1915 и 1916 гг. он читал курс «Геологические основы земледелия» для студентов исторического факультета [16], а также не обязательный курс по географическим именам и терминам [18, оборот л.66].

Падение самодержавия и революционные события 1917 г. В.В. Ламанский встретил с ожидаемым восторгом. Современники вспоминали, что чертой многих представителей семьи Ламанских всегда были любовь к свободомыслию и желание изменить мир к лучшему. Можно с уверенностью сказать, что старшее поколение семьи было воспитано в духе демократизма, что в николаевской России середины XIX в. считалось крамоллой и преследовалось. Многие и после называли их «вольнодумцами», «реформаторами» и даже «революционерами». Неудивительно, что в 1840-х гг. двое из братьев Ламанских (Евгений и Порфирий Ивановичи) посещали собрания общества «петрашевцев», а после его разгрома неоднократно вызывались на допрос, но судимы не были. Все они и дальше продолжили дружить с Ф.М. Достоевским, бывшим одним из наиболее ярких представителей «кружка», часто бывали на встречах в его доме. К 1860-м гг. относится и сближение третьего брата В.И. Ламанского с писателем. В «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской есть такие строки: «Фёдор Михайлович истинное просвещение высоко ставил, и между умными и талантливыми профессорами и учёными он имел многолетних и искренних друзей, с которыми ему было всегда приятно и интересно встречаться и беседовать. Таковыми были, напр<имер>, Вл. И. Ламанский, В. В. Григорьев (востоковед), Н. П. Вагнер, А. Ф. Кони, А. М. Бутлеров...» [15].

Безусловно, революционная романтика и некоторая авантюристность были присущи и младшему поколению семьи Ламанских, в том числе и Владимиру Владимировичу. Вот, как описывает один из февральских дней 1917 г. В.П. Семенов-Тянь-Шанский в своих мемуарах: «Немного позже (27 февраля 1917 года старого стиля)¹ прикатил к нам на автомобиле экспансивный Владимир Владимирович Ламанский, ездивший на нем по городу в детски восторженном настроении с какими-то сестрами милосердия, кричавший с ними заодно «ура» и рассказавший, что он прибыл из Государственной Думы, где царит такое восторженное настроение по случаю низвержения

¹ 12 марта 1917 г. по н.ст.

самодержавия, и что он там вслух заметил, почему же никто не арестован, и что таким образом контрреволюции ведь ничего не стоит поднять голову в любой момент...» [6, т.2, с.8].

Видимо, желание соответствовать духу времени и сделать что-то новое и полезное для «свободной от самодержавия» России привело к очередному переезду В.В. Ламанского – на этот раз в Пермь, где он возглавил совет научно-промышленного музея, а 10 декабря 1917 г. был избран членом Пермской ученой архивной комиссии. Проявляя кипучесть своего характера и резкость суждений, уже в январе 1918 г. В.В. Ламанский выступил с планом реорганизации культурных учреждений г. Перми, согласно которому книжные фонды города предлагалось сосредоточить в одном месте: в «областной научной библиотеке», а научные кадры объединить в Пермскую научную ассоциацию по изучению местного края. Вот как пишет сам ученый: «Слияние малых разрозненных библиотек в одну большую представляется нам как один из первых практических шагов в деле изучения местного края. Нежелание идти по этому пути, упорствование в объединении ячеек обозначало бы в моих глазах недостаточную зрелость, недостаточное понимание местных задач, а затем и недостаток практичности» [3, с. 13]. Эта инициатива нашла поддержку со стороны руководства Пермской ученой архивной комиссии. Однако с приходом «белых» между В.В. Ламанским и новым руководством возникли споры относительно централизации библиотек, которые вылились в оживленную дискуссию на страницах газеты «Свободная Пермь».

Одновременно 27 апреля 1918 г. (н.ст.) Владимир Владимирович Ламанский был избран и.о. ординарного профессора физико-математического факультета Пермского университета. Здесь он сосредоточился на научных проблемах кафедры географии и этнографии. В частности, в 1918–1919 гг. профессор заведовал географическим кабинетом университета, был членом комиссии по изданию трудов университета, секретарем Совета факультета. Сейчас мы не знаем, какие курсы читал В.В. Ламанский в университете, но, учитывая его педагогическую работу в Петроградском университете и Петербургском политехе, видимо, это был курс общего землеведения (или общей физической географии).

Владимир Владимирович стал частью штата Пермского университета практически в самом начале его формирования как просветительского центра. Здесь он входил в состав Ученого совета вуза, принимал участие в решении наиболее актуальных вопросов его развития, работал бок о бок с известнейшими учеными: ректором К.Д. Покровским, профессорами Б.Ф. Вериги, Г.В. Вернадским, В.Н. Дурденевским, А.А. Заварзиным, С.П. Обнорским, Н.П. Оттокаром, А.А. Полкановым, Б.К. Поленовым, А.А. Рихтером и др.

Одним из ключевых вопросов жизни университета в 1919 г. стала проблема его эвакуации в случае прихода белогвардейских войск в Пермь. Большая часть профессуры высказалась за его сохранение в городе, надеясь на значительные успехи армии А.В. Колчака. Более того, на заседании совета университета 22 марта 1919 г. большинством голосов принимается к обсуждению заявление группы профессоров об обращении к иностранным университетам «По поводу переживаемой Россией бедствия большевизма». Антибольшевистское письмо было принято 13 мая 1919 г. большинством голосов (17 чел.) при двух проголосовавших против и 6 воздержавшихся. Среди последних был и профессор В.В. Ламанский [4, с. 22]. Естественно, что, когда части «красных» повторно вступили в Пермь в начале июня 1919 г., всем сотрудникам Пермского университета пришлось эвакуироваться в Томск. При этом они бросили всё, оставив материальные ценности в Перми.

Вместе с университетом в Томск выехал и В.В. Ламанский. В декабре того же года, получив командировку за свой счёт якобы «для изучения Дальнего Востока в научном отношении до 1 июля 1920 года» [18, л.1], он выехал в Омск, полностью покончив с преподаванием в Пермском университете.

В Омске он устроился секретарем и иностранным корреспондентом Русско-Азиатского банка, вместе с которым в начале 1920 г. эвакуируется в Харбин, навсегда покинув Россию. В Маньчжурии в 1920–1930-х гг. проживало более 200 тыс. чел. русскоговорящих. При этом Харбин стал крупнейшим русским городом за пределами России. Со многими своими коллегами – представителями эмигрантской интеллигенции В.В. Ламанский, имевший достаточный педагогический и организационный опыт, а также репутацию и связи, приступил к строительству «нового русского мира». В том числе этот процесс должен был включать воспроизводство и поддержание высочайшего уровня российского образования и культуры. Для этого в Харбине были организованы многочисленные среднеобразовательные и высшие учебные заведения (педагогический, политехнический институты, Институт ориентальных и коммерческих наук и пр.).

В начале 1920-х гг. Владимир Владимирович вместе с товарищами организовал и стал первым директором Новой смешанной гимназии в Харбине, довольно прогрессивного учебного заведения, где мальчики и девочки учились. В гимназии В.В. Ламанский преподавал русский язык и географию.

Интересную запись о нем оставил один из учеников гимназии, сын последнего российского императорского генерального консула в Мукдене Б.С. Колоколов: «...Преподавателем географии в гимназии был Ламанский. Он был внушительных размеров мужчина, обладал большим объемом знаний по географии, почерпнутым, по-видимому, из собственных путешествий по миру. Он иллюстрировал свои уроки географии показом фотографий тех мест, о которых он рассказывал. Ламанский предложил нам план – собирать снимки из журналов и отобрал нескольких мальчишек, меня в том числе, для похода по иностранным конторам, где мы должны были собирать старые журналы, из которых вырезать иллюстрации (с изображениями городов и природы разных стран мира. – А.С.) и клеить их на листы плотной бумаги. Эта забава меня очень увлекала...» [12, с. 69].

Преподавательскую работу в гимназии он совмещает с деятельностью коммерческого агента в коммерческом отделе КВЖД (с 1 января 1923 по 16 июня 1930 г.) «с окладом жалования в 350 руб. в месяц и квартирным довольствием по положению» [19, л.11].

Параллельно с работой в коммерческом отделе КВЖД и в гимназии В.В. Ламанский значился ординарным профессором в Харбинском юридическом факультете (Высшей юридической школе) по экономическому отделению с 1925 по 1931 г. [14]. Здесь он читал экономическую географию, а также географию стран Дальнего Востока для студентов железнодорожно-коммерческого и восточно-экономического курсов, которые впоследствии должны были служить служащими Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) и коммерческими агентами в Китае и Японии. По воспоминаниям современников и по оценкам нынешних исследователей, вуз давал широкое и конкурентоспособное образование, которое позволяло его выпускникам найти приличную работу как в Китае, так и в зоне отчуждения КВЖД. Класс факультета поддерживался его профессорско-преподавательским составом, среди которых были бывшие профессора университетов Императорской России и специалисты-практики – Н.В. Устрялов, Г.К. Гинс, Н.И. Петров, М.В. Абросимов, Н.А. Стрелков, Н.И. Миролубов, В.В. Энгельфельд, В.И. Сурин, В.А. Рязановский, Н.И. Кохановский и др. [8].

Многие из них были не только учеными, но и активными исследователями. В середине – конце 1920-х гг. в Харбине было создано множество научно-исследовательских организаций, имевших ориенталистский уклон в работе, например, Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК). При нем работала Национальная организация русских исследователей имени Н.М. Пржевальского, имелось две библиотеки, в том числе научная под руководством профессора В.В. Ламанского. Они осуществляли сбор научно-исследовательской литературы, ее закупку, а также обмен изданиями с зарубежными научно-исследовательскими центрами. В 1928 г. был основан музей ОИМК, который стал центром научно-исследовательской работы в районе КВЖД. Его сотрудники, в том числе и В.В. Ламанский, организовывали историко-этнографические и археологические исследования по всей Маньчжурии, а также в Синьцзяне (северо-запад Китая) [13]. Этот музей создал мощный научный задел для отечественного зарубежного востоковедения, до сих пор не оцененного современной российской наукой. Примерно в это же время Владимир Владимирович Ламанский увлекается антропогеографией, а также экономической географией Северо-Восточного Китая. В этой связи он пишет целый ряд статей о природе и истории географических открытий этого края, публикуясь в журнале «Вестник Маньчжурии», а также выполняет рецензии на работы своих коллег по экономике Китая (изданы в «Известиях юридического факультета»).

Рис. 3. Здание железнодорожного собрания в Харбине, где располагался Харбинский юридический факультет

Безусловно, Владимир Владимирович скучал по Родине, своим знакомым и родственникам, оставшимся в СССР, однако не мог их навещать. Сведения о семье он получал из писем, которые, впрочем, приходили нерегулярно. В середине 1920-х гг. ограниченно возобновилось научное общение между Восточно-Сибирским отделением Географического общества СССР и Обществом изучения Маньчжурского края, другими научными организациями эмигрантского Дальнего Востока. В 1926 г. произошло событие, которое на несколько дней объединило советских географов и ученых из эмигрантской среды: в Токио состоялся III Тихоокеанский научный съезд. Его основной целью была координация усилий стран Азиатско-Тихоокеанского региона по комплексному изучению этой обширной территории и сохранение мира среди его народов [10; 11]. В связи с этим на съезд была приглашена и советская делегация, участники которой добирались до столицы Японии через Маньчжурию. Так, во время остановки в Харбине после долгого перерыва В.В. Ламанский смог встретиться с профессором Ленинградского университета *Львом Семёновичем Бергом* (1876–1950) и академиком, всемирно известным ботаником *Владимиром Леонтьевичем Комаровым* (1869–1945), которых он хорошо знал по работе в РГО до революции.

В 1920-х гг. в российской эмигрантской среде в Китае царили разные настроения. Значительная часть профессоров вузов, расположенных в Харбине, выступала за более тесное общение с советским государством и даже приняла гражданство. Еще более сильные настроения и мысли о сближении с СССР царили в общественных кругах. Так, друг и коллега В.В. Ламанского, служащий КВЖД *Николай Васильевич Устрялов* (1890–1937) был идеологом движения «сменовеховства», политического течения, выступавшего за признания права большевиков на управление Россией. По субботам в течение 1925–1933 гг. в доме Н.В. Устрялова собирался весь цвет русской эмиграции Харбина. Именно здесь они спорили о судьбе оставленной страны. Профессор В.В. Ламанский, оставаясь близким другом Н.В. Устрялова, не разделял его точки зрения. Более того, он искренне пытался переубедить его в обратном, что зафиксировано в их переписке 1933–1934 гг. [9].

В конце 1920-х гг. политическая ситуация в Харбине резко ухудшилась. В результате планомерной политики китайских властей, под эгидой которых существовали вузы в Харбине, по вытеснению профессоров и студентов, не говорящих по-китайски, выходу официального запрета преподавать на русском языке¹, а также в связи с начавшимся завоеванием Маньчжурии японской армией, многие русские эмигранты лишились работы и были вынуждены искать новое место жительства. Так, в 1931 г. профессор В.В. Ламанский вместе со своей второй женой Марией-Дагмарой Фридриховной (1897– после 1943, урожд. Оттенсен) перебрался в Шанхай, где также находилось большое количество русских эмигрантов. Вот, как он пишет об этих годах своей жизни в письме от 26 августа 1933 г. упомянутому выше Н.В. Устрялову: «Я бесконечно рад, что оставил вовремя Харбин и не был свидетелем всего того, что в нем происходило и что отзывалось в нем как эхо из несчастной России. *Wacht am Sungari*² доживает последние дни, а с ним и тот последний кусок или островок России, где не только старые, но и молодые чувствовали себя дома. Здесь (в Шанхае. – Л.А.) совсем другое. Здесь мы не беженцы, прибежавшие к себе, но эмигранты, причем это последнее слово не паспортный термин, как у нас в Харбине, а полно самого зловещего смысла. Да, здесь идет разложение, но оно захватило главным образом руководящую или хотящую руководить верхушку, рядовая же эмиграция просто хиреет, беднеет, деклассируется, а то и поднимается экономически, но уже очерствевая и безразличная к России...» [9].

В середине 1930-х гг. русских и русскоязычных в Шанхае проживало более 20 тысяч. Русские были тогда самой большой диаспорой в Шанхае. Они селились в основном на территории французской концессии и одной из её центральных улиц – авеню Жоффр (современное название – Хуайхай чжунлу). В местном просторечии она называлась Русской, а сама Французская концессия – Русской, так как там проживало русских в четыре раза больше, чем французов [1].

Период, когда из Харбина в Шанхай перебрался В.В. Ламанский, был достаточно сложным для русских эмигрантов, так как постоянно усиливалось китайское давление, а связь с Родиной становилась все более призрачной. В это время профессор был уже в возрасте: в 1934 г. ему исполнилось 60 лет. Однако он не изменил своему призванию и был избран преподавателем русского языка во Французскую муниципальную школу Святого Реми [17], в которой обучалось большинство детей русских эмигрантов (рис. 4, 5).

¹ Эта политика, а также раскол в профессорской среде по поводу симпатий к СССР и последствия создания нового японского марионеточного государства Маньчжоу-го, привели к закрытию практически всех эмигрантских российских вузов в Маньчжурии к концу 1930-х гг. Так, Юридический факультет в Харбине прекратил свое существование в июле 1937 г.

² «Стража на Сунгари» (нем.).

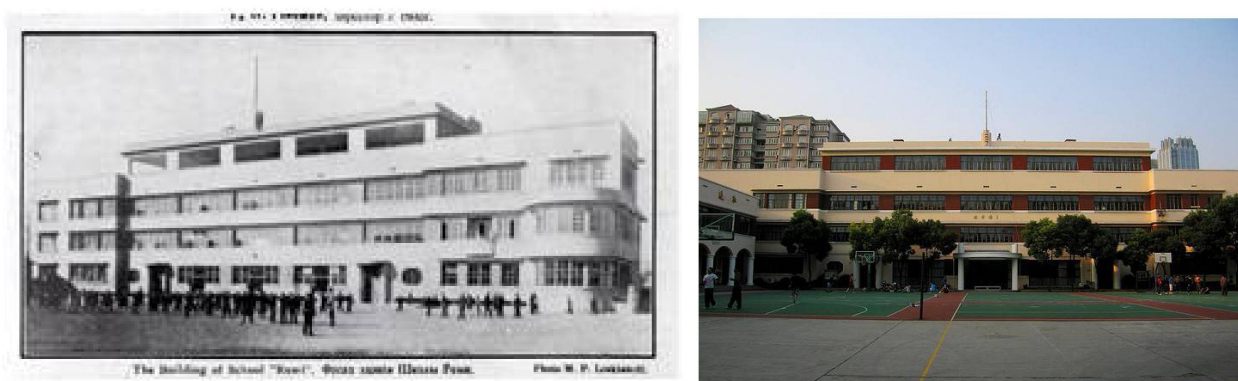

Рис. 4. Французская муниципальная школа Св. Реми (фото 1930 и 2000-х гг.)
(Фотографии предоставлены К.В. Чащиным).

В своих мемуарах один из самых известных уральских музееведов Георгий Борисович Зайцев (1929–2005), родившийся в эмиграции в Китае и закончивший эту школу, с благодарностью вспоминает: «...а в старших классах нам посчастливилось услышать профессора Владимира Владимировича Ламанского, который поистине блестяще знал предмет. Он был совершенно неуравновешенным человеком. Шум в классе его мгновенно выводил из себя, и он начинал топтать ногами и кричать. Но души он был необыкновенной и сумел многим из нас привить любовь к Родине. Умер профессор в 1943 г. и при последнем моем посещении на прощание сказал: «Не забывайте про Россию молодой человек, это ваш дом, и вы должны любой ценой уехать туда..» [2, с.108]. Надо сказать, что ученик выполнил завет своего учителя и вместе с семьей в 1948 г. вернулся в СССР.

Рис. 5. Педагогический состав школы Святого Реми в 1933–1934 гг.
(В.В. Ламанский в третьем ряду в центре) (Фотографии предоставлены К.В. Чащиным).

О том, каким было заключительное десятилетие жизни В.В. Ламанского, известно немного, но можно с уверенностью сказать, что непростым. Можно только предполагать, как Владимир Владимирович переживал отсутствие собственных детей. Наверно, этим объяснялось его всепоглощающее желание работать с юношами и девушками, стремление постоянно находиться среди подрастающего поколения: ведь он преподавал до самой смерти. Появлялись и бытовые проблемы, которые профессор и его жена в силу старости уже не могли решить. Шанхай не был лучшим городом для жизни. Поселившись в достаточно модном месте – на авеню дю Руа Альбер, в центре фешенебельной французской части города, все же он испытывал климатические неудобства, здесь часто совершались криминальные преступления, можно было видеть бедноту, особенно среди китайского населения. Вскоре после начала Второй мировой войны на просторах Тихого океана (декабрь 1941 г.) японская армия оккупировала территорию английской и французской концессий города. Вместе с другими жителями города профессор был вынужден подчиниться новым властям, которые не жаловали русское население, как нелояльное Японии. Профессор уже не увидел освобождения Китая. Он скончался в Шанхае летом 1943 г. и был похоронен там же на кладбище Лю Кавей, позже превращенном китайскими властями в один из городских парков.

В заключение отметим, что отличавшийся многосторонними научными интересами и значительной эрудицией Владимир Владимирович Ламанский тем не менее не сделал значительного вклада в науку. Большая часть его жизни прошла в переездах и временных работах на огромном пространстве Российской империи, а затем в эмиграции – в Манчжурии и Китае. Наиболее зрелые годы жизни приват-доцента Петроградского и ординарного профессора Пермского университетов пришлось на переломный момент российской истории. Стремление соответствовать своей эпохе, неумное желание сделать что-то полезное для своей страны вкупе с романтическими настроениями, которые также быстро превращались в разочарование, сделали В.В. Ламанского заложником своего характера и времени, в котором он жил.

Библиографический список

1. Гудошников Л.М., Троцкий П.В. Китайский исследователь Ван Чжичэн об истории шанхайской ветви русской эмиграции // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4. С. 146–155.
2. Зайцев Г.Б. Приподнимаю занавес из тонкого китайского шёлка ... (воспоминания русского репатрианта) // Белая армия. Белое дело: ист. науч.-попул. альманах. Екатеринбург, 1998. №5. С. 90–113.
3. Ламанский В.В. К вопросу о провинциальных научных учреждениях, библиотеках и музеях. Пермь: Электро-тип. губ. земства, 1918. 27 с. (Приложение к газете-журналу «Трудовая коммуна»).
4. Пермский государственный университет им. А.М. Горького: исторический очерк 1916 – 1966 / под общ. ред. Ф.С. Горового. Пермь, 1966. 293 с.
5. Саприкина О.В. Академик В.И. Ламанский: патриарх русского славяноведения // Новый исторический вестник. 2001. №4. С. 157–177.
6. Семенов-Тянь-Шанский В.П. То, что прошло (от первого лица: история России в воспоминаниях, дневниках и письмах): в 2 т. М.: Новый Хронограф, 2009. Т.1. 1870–1917. 678 с.; Т.2. 1917–1942. 658 с.
7. Сергей Иванович Ламанский: к 175-летию со дня рождения // Федеральный справочник: инф.-аналит. сб. 2001. Т.7. С. 66–70.
8. Стародубцев Г.С. Русское юридическое образование в Харбине (1919 – 1937) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. №6. С. 140–151.
9. Воробьев О.А. Гуверовский архив приоткрывает свои тайны. Из переписки Н.В. Устрялова и В.В. Ламанского // Национальные интересы. 2004. №2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ni-journal.ru/archive/52ab0058/0f2c52b8/3a7213a7/1dff6250/index.htm> (дата обращения: 02.08.2015).
10. Гараева Л.М. Научно-просветительская деятельность русских ученых в Северной Маньчжурии и международные контакты по обмену научных знаний (1900-е – 1930-е гг.) // Культура и общество: интернет-журнал. 2007. Секц. соц.-культ. деятельность [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-culture.ru/Speakers_07.htm (дата обращения: 03.08.2015).
11. Еришов Л. Берг и Япония [электронный ресурс]. URL: <http://berg-bendry.org/page.php?id=155> (дата обращения: 03.08.2015).
12. Колоколов Б.С. Записки сына последнего российского императорского генерального консула в Мукдене // Диаспора: новые материалы. Вып. IX. Париж; СПб., 2007. С. 7–97 (с пред. М.Ю. Сорокиной). [Электронный ресурс]. URL: http://old.bfrz.ru/cgi-bin/load.cgi?p=news/proektu_nayk_otdel/rus_emigr_v_issled_publ/periodics/diasp/9.html (дата обращения: 03.08.2015).

13. Косинова О.А. Востоковедческая и краеведческая подготовка в учебных заведениях российского зарубежья в Китае // Знание. Понимание. Умение. 2008. №2. Педагогика. Психология. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Kosinova_training/ (дата обращения: 15.05.2015).
14. Ламанский Владимир Владимирович (1874 – 1943) // Наука права: электр. энцикл. [Электронный ресурс]. URL: <http://naukaprava.ru/Catalog/Search/1382> (дата обращения: 01.08.2015).
15. Наседкин Н. Энциклопедия «Достоевский». Разд. III. Вокруг Достоевского. [Электронный ресурс]. URL: http://www.niknas.hop.ru/4dost/1dost_enz/dost_enz3-07.htm (дата обращения: 01.08.2015).
16. Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917). [Электронный ресурс]. URL: http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/674.html?listid_=1 (дата обращения: 15.04.2015).
17. Сорокина М.Ю. Предварительный поисковый список востоковедов, покинувших Россию в XIX – XX вв. // Российское научное зарубежье: биобиблиограф. словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bfrz.ru/index.php?mod=static&id=98> (дата обращения: 15.05.2015).
18. Личное дело профессора В.В. Ламанского. Государственный архив Пермского края. Фонд №180. Оп.2. Дело №206.
19. Каталог личных дел сотрудников Китайско-Восточной железной дороги. Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд №323. Оп.9. Дело №2956.

Основные научные труды В.В. Ламанского

- Успехи изучения кембрийских и силурийских отложений России (1896 – 1897). Варшава: Губер. типография, 1899.
- Исследования в области Балтийско-Ладожского глинта летом 1900 года // Труды геолог. комитета. Т.20. СПб.: Тип.-лит. К. Биркефельда, 1901.
- Конспект лекций по общему землеведению. СПб.: Лит. Трофимова, 1904.
- Древнейшие слои силурийских отложений в России (магистерская диссертация) // Труды Геолог. комитета. Нов. сер. Вып. 20. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1905. 152 с.
- Сучанская ширококолейная ветвь и её район // Рус.-кит. газ. «Юань-дунь-бао». Харбин, 1908.
- Мукомольная промышленность и торговля мукой в Китае. СПб., 1910.
- Экономическое исследование района проектируемого подъездного пути к городу Гдову. СПб.: Типография товарищества В. Андерсон и Г. Лойцянский, 1914.
- Das Absterben der Gletscher und die Eiszeit (Отмирание ледников и ледниковый период) // Zeitschrift fur gletscherkunde. 1914. №3 (немецкий журнал по гляциологии).
- Beitrage zur Kenntniss des Ostbaltischen Orthocerenkalks (Вклад в изучение восточнобалтийских Orthocerenkalks).
- Опыт народного почвенного словаря // Почвоведение. 1915. №2.
- Об изучении народных географических терминов и географических названий // Вестник Императорского Рус. геогр. об-ва. 1915. №10.
- К вопросу о провинциальных научных учреждениях, библиотеках и музеях. Пермь, 1918. 27 с.
- Американские исследования в Монголии // Вестник Манчжурии. 1925. №1–2. С.65–69.
- Амур. Вводный очерк // Вестник Манчжурии. 1925. №4. Отдел изучения края. С.1–5.

Переводы, сделанные В.В. Ламанским

- Макгован Дж. Китайцы у себя дома: очерки семейной и общественной жизни / пер. с англ. В.В. Ламанского. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1900.
- Неймар М. История Земли: учебник в 2 т. / пер. со 2-го нем. изд., перераб. и доп. проф. В. Улигом, с дополнениями по геологии России и библиографическим указателем В.В. Ламанского и А.П. Нечаева / под ред. заслуженного ординарного проф. Санкт-Петербургского ун-та А.А. Иностранцева. СПб.: Книгоизд. тов. «Просвещение», 1898.

A.S. Luchnikov

THE FATE OF VLADIMIR VLADIMIROVICH LAMANSKIY, THE FIRST PROFESSOR OF GEOGRAPHY IN THE KAMA AREA, IN THE CONTEXT OF PIVOTAL ERA IN RUSSIAN HISTORY THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

The article based on the bibliographical analysis and study of memoirs of contemporaries reveals the main events in the life of an acting full professor of Perm University, a geographer and geologist Vladimir Vlad. Lamanskiy (1874 – c.1943), a son of the famous historian and ethnographer Vladimir Iv. Lamanskiy.

The influence of the nature of man and historical epoch on becoming a scientist and his fate before coming to Perm, during his stay in Perm University and after emigrating from Russia to China is presented.

Keywords: Lamanskiy Family; russian intellectuals; revolutionary events; russian emigrants in China.

Andrey S. Luchnikov, senior lecturer, Department of Social and Economic Geography, Perm State University, 15 Bukireva st., Perm, Russia 614990; aluchnikov@yandex.ru

УДК 378:91

А.Н. Олиферов

ЗАПИСКИ КРЫМЧАНИНА ОБ ALMA MATER

Один из старейших выпускников географического отделения геолого-географического факультета Пермского университета, Заслуженный деятель науки и техники Автономной Республики Крым, профессор Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского *Август Николаевич Олиферов* рассказывает о периоде своего обучения в университете (1945 – 1949 гг.), интересных встречах, своих учителях, коллегам и других людях, которые способствовали формированию его как специалиста и ученого.

Ключевые слова: Пермский университет, географический факультет.

Я поступил на второй курс географического отделения геолого-географического факультета Молотовского (теперь Пермского) университета в конце сентября 1945 г., после победы над Японией. На всем отделении на II и III курсах нас было 7 человек, в основном девушки и я. Позже к нам присоединился демобилизованный Геннадий Георгиевич Ворончихин, и мне стало легче, так как наш коллектив стал смешанным.

На втором курсе мы учились вместе с геологами, которых было 20 человек. В силу этой причины мы приобрели фундаментальные знания по предметам, которые обеспечивались преподавателями геологических кафедр нашего факультета. Они были более сильным как по кадровому составу, так и по исследовательской работе.

Рис. 1. Третий курс географического отделения Пермского университета (1947 г., в центре профессор С.Н. Лаптев)²

© Олиферов А.Н., 2015

Олиферов Август Николаевич, доктор географических наук, профессор кафедры конструктивной географии и ландшафтоведения Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского; 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4; e-mail: pikulenko_o@mail.ru

¹ Печатается на материалах книги: Олиферов А.Н. «Записки крымчанина» (Симферополь, 2006. 120 с.).

² В статье использованы фотоматериалы из личного архива А.Н. Олиферова.